

ЛУКОМОСЬЕ

3-е ИЗДАНИЕ
№1
1916

Новый годъ.

Авт. Е. Нарбута.

III годъ издания.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
ставящій своею задачею художественное отраженіе жизни во всѣхъ ея областяхъ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОСОБЕННОЕ
ВНИМАНИЕ УДЕЛЯЕТСЯ ВОЙНѢ,
СОБЫТІЯ КОТОРОЙ ИЛЛЮСТРИРУ-
ЮТСЯ ИЗВѢСТНЫМИ ХУДОЖНИ-
КАМИ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ ПОВѢ-
СТИ, РАЗСКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, СТИХИ
ЛУЧШИХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСА-
ТЕЛЕЙ, ПОМѢЩАЮТСЯ ПРОИЗВЕДЕ-
НІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ ХУДОЖНИ-
КОВЪ, ДАЮТСЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ СО-
БЫТІЙ, КАРРИКАТУРЫ, ШАРЖИ.

ОСОБЕННОСТЬЮ ЖУРНАЛА ЯВЛЯ-
ЮТСЯ КРАСОЧНЫЕ РИСУНКИ.

ВЪ 1915 Г. БЫЛО ПОМѢЩЕНО ОКОЛО
300 КРАСОЧНЫХЪ РИСУНКОВЪ.

Открыта подписка

НА ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИ 1916-ЛѢТ.
ЦѢНА НА ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЙ И
ПЕРЕС.—10 Р., НА ПОЛГОДА—5 Р. 50 К.,
НА 3 М.—3 Р., НА 1 М.—1 Р. 50 К.

ДЕНЬГИ ПРОСИТЬ АДРЕСОВАТЬ:
ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. 40.
БОИТОРЪ ЖУРНАЛА „ЛУКОМОРЬЕ“.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ КРОМѢ
ТОГО ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“ ВЪ МОСКВѢ,
ОДЕССѢ, САРАТОВѢ, РОСТОВѢ НА-
ДОНУ, ХАРЬКОВѢ И ДР.

Редакторъ-Издатель *М. А. Суворинъ.*

Вышла въ свѣтъ и продается
№ 12 изданія

„ВОИНА. ХРОНИКА И ОТКЛИКИ“.

Съ иллюстраціями.
Цѣна 50 коп.

Изданіе журнала „Историческій
Вѣстникъ“.

Складъ изданія въ магазинѣ
Т-ва А. С. Суворина — „Новое
Время“.

Вышла изъ печати и поступила
въ продажу новая книга:

А. С. Резановъ.

„НѢМЕЦКОЕ ШПИОНСТВО“

Составлена по даннымъ судебной
практики и др. источникамъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ мага-
зинахъ „Толарищества А. С. Су-
ворина — „Новое Время“, Воль-
фа, Карбацникова и др., а так-
же въ кіоскахъ жел. дорогъ.

Библиотека «Вечерняго Времени»
изд. В. А. Суворина.

„ДНЕВНИКЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ“

прожившей въ герман-
скомъ плѣну безъ малаго
4 мѣсяца.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ:

Сборникъ «Лукоморье». Цѣна 2 р.

Сергій Городецкій—«Четырнадцатый годъ». Цѣна 1 р.

М. Кузницъ—Военные рассказы. Цѣна 1 р. 50 к. Обложка
С. Судейкина.

Борисъ Лазаревскій—Во время войны. Цѣна 1 р. 50 к. Обложка
Д. Митрохина.

В. Опочининъ—Грезы и Жизнь. Стихи. Цѣна 1 р. 50 к. Об-
ложка Е. Нарбута.

Георгій Ивановъ—Памятникъ славы. Стихи. Цѣна 1 р.

Михаилъ Долиновъ—Радуга. Стихи. Цѣна 1 р. Обложка И. Мо-
залевского.

М. Влагинъ—Рассказы. Цѣна 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбута.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ: Контора: Петроградъ, Невскій пр., 40.

Экспедиція: Ул. Жуковскаго, 7, кв. 56. Тел. 276-96.

Красивый альбомъ
участника войны.

СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ

32 рисунка.

Цѣна одинъ рубль.

Продается въ магазинахъ „Новаго Времени“ и др. книжныхъ магазинахъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Н. Брешко-Брешковскій.

ВЪ СѢТЯХЪ ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

РОМАНЪ.

Цѣна 1 рубль.

Продается по всѣмъ большимъ книжнымъ магазинамъ и на стан-
ціонныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Лаврецій (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

„На автомобиль по Германію“

1918—1914 г.

и очерки

„ДЕНЬ ЗА ДНЕМЪ“

2-е изданіе. Цѣна 1 р. 25 к.

Библиотека „Вечерняго Времени“

Изданіе В. А. Суворина.

НОВАЯ КНИГА:

Н. Брешко-Брешковскій.

КРОВЬ

ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Продается по всѣмъ книжнымъ
магазинамъ и на станціонныхъ же-
лѣзныхъ дорогахъ.

КОЕ-КТО

КОЕ-ЧТО

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе третье, дополненное.

Цѣна 1 рубль.

Paris.

A. Maibertz.

ЛУКОМОРОЕ

№ 1.

1 января 1916 г.

НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ.

Здѣсь мебель въ стилѣ роково
И печь натопленная жарко,
А въ окнахъ—зыблется легко
Въ морозной мглѣ—деревья парка...
 О родовая старина,—
 Зеленый штофъ, портретовъ лица...
 Какъ далека и ненужна
 Теперь гранитная столица.
Какъ хорошо,—вдали невзгодъ,
Въ родной затерянной деревнѣ,
Тебя встрѣчать, о Новый годъ,
Съ тревогой юною и древней!..
 Какъ хорошо тебя встрѣчать
 Такъ и торжественно и просто,
 Но въ мигъ завѣтный,—промолчать,
 И ничьего не слышать тоста...
Все ближе, ближе тайный часъ...
Что скажетъ вѣстникъ лучезарный?
Играй, играй въ бокалѣ квасъ
Холодный, чистый и янтарный.

Когда душа ясна моя
И въ сердцѣ радостная вѣра—
Мнѣ эта свѣтлая струя
Милѣй и слаще редерера...
 Двѣнадцать пробило. И вотъ
 Развѣялись тревоги чары
 И только звонъ еще плыветъ
 Отъ прозвучавшаго удара...
Я мирно лягу спать теперъ
И солнца свѣтъ—меня разбудить.
О сердце,—бейся, сердце,—вѣрь,
Что Новый Годъ—счастливымъ будетъ.
 Взойдетъ морозная заря
 За сине-розовымъ туманомъ
 И первый листъ календаря
 Позолотитъ лучемъ румянью.
Алѣе утро расцвѣтетъ
Красою нѣжною и зыбкой,
И новый день и Новый Годъ
Я встрѣчу нѣсней и улыбкой!

Георгій Ивановъ.

Ея первый другъ.

Пожалуй, во всемъ Петроградѣ не было семьи, интересующейся хоть сколько-нибудь старинной, которая бы не знала этого стариннаго деревяннаго особняка на одной изъ глухихъ улицъ Петроградской стороны, гдѣ доживалъ свою, когда-то ослѣпительную и блестящую жизнь, бывший гусарь, отставной полковникъ Исаровъ со своей единственной внучкой, красавицей Тамарой, которую небольшой кругъ людей, изрѣдка навѣщавшихъ этотъ угрюмый особнякъ, считалъ дѣвушкой странной. Вспоминали короткую и нѣсколько загадочную жизнь ея матери, кончившуюся далеко отсюда, при странныхъ обстоятельствахъ въ небольшомъ городкѣ, на югѣ Франціи. Все еще помнили этотъ скандалъ, когда юная дочь Исарова противъ воли суроваго родителя вышла замужъ за учителя танцевъ, г-на Рибо и, пробѣдствовавъ съ нимъ

въ Петроградѣ, уѣхала въ скоромъ времени во Францію, гдѣ у нея родилась дочь Тамара и гдѣ она умерла, какъ говорятъ, насильственно прекративъ свою молодую жизнь, принявъ сильную дозу какого-то яда.

Г-нъ Рибо вскорѣ женился и если бы не случайная встрѣча въ Ниццѣ съ двоюродной теткой княгиней Устюжнкой то возможно, что Тамара осталась бы за границей и была бы заброшена г. Рибо, поглощеннымъ устройствомъ новаго семейнаго очага съ очень распушенной и неприятной итальянкой. Княгиня, видя то незавидное положеніе, которое занимала Тамара въ полужужой ей семьѣ, безъ особаго труда уговорила г. Рибо отдать ей племянницу и семилѣтнимъ ребенкомъ привезла ее въ Россію, гдѣ къ великому изумленію всѣхъ, знавшихъ рѣзко отрицательное отношеніе старика Исарова къ этому

«опозорившему его браку», устроила Тамару у ея дѣда въ его старинномъ особнякѣ.

Тамара была очень тихимъ и замкнутымъ ребенкомъ. Да и весь укладъ Исаровскаго дома не могъ развитъ склонности къ жизнерадостности. Старикъ обыкновенно весь день проводилъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ онъ погружался въ чтеніе и составленіе мемуаровъ, которые, какъ онъ намекалъ, должны были пролить новый свѣтъ, на нѣкоторыя событія русской исторіи. Онъ выходилъ только къ обѣду, сухой, прямой, надменный, выцвѣтшими глазами смотря куда-то поверхъ головъ разговаривающихъ съ нимъ. Кромѣ Тамары и Владимира Митрофановича Шурскаго — воспитанника старика, за обѣдомъ обыкновенно никто не присутствовалъ. Изрѣдка пріѣзжала княгиня Устюжнина, но она бывала очень недолго

и больше на половинѣ Тамары; заходили иногда старые сослуживцы и родственники, но въ большинствѣ случаевъ на всѣ домогательства визитеровъ, выходилъ очень старый, знавшій полковника еще кадетомъ, слуга и холоднымъ, неизмѣннымъ: «Ихъ высокоблагородіе изволятъ быть больны» сокращалъ число желающихъ видѣть Исарова съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Когда Тамару, по какимъ-то для нея невѣдомымъ соображеніямъ, привезли въ Россію и отдали въ домъ дѣда, къ ней была приставлена старая французенка, которая занималась ея воспитаніемъ и была для нея матерью, нянькой и учительницей одновременно. Но, противъ ожиданія, Тамара не привязалась къ ней, какъ это слѣдовало ожидать отъ покинутого ребенка по отношенію къ доброй и очень сердечной женщинѣ, какой была госпожа Леванье, бывшая воспитательница сыновей княгини Устюжиной.

Тамара не питала къ ней враждебныхъ чувствъ, но часто поражала ее своимъ равнодушнымъ отношеніемъ, да и не только къ ней, а ко всѣмъ окружающимъ. Исключеніемъ былъ, какъ это ни странно, холодный, надменный, не обращающій на нее никакого вниманія, дѣдъ.

Къ нему Тамара чувствовала какую-то особенную любовь, въ которой смѣшивались два разныхъ чувства: жалость и страхъ.

Тамару помѣстили въ одной изъ самыхъ большихъ, но мрачныхъ комнатъ особняка и она такъ и осталась жить въ этой комнатѣ, уже будучи взрослой дѣвушкой. Къ этой комнатѣ у нея была особенная любовь и этому не мало способствовало то обстоятельство, что въ этой комнатѣ висѣлъ портретъ императора Павла, къ которому Тамара почему-то особенно привязалась. Въ дѣтствѣ она знала о немъ только то, что онъ былъ царь и больше ничего, и когда ее помѣстили въ этой комнатѣ этого угрюмаго и, какъ ей казалось, страшнаго дома, у нея сразу нашелся другъ. И этотъ другъ былъ—портретъ Павла. Трудно сказать, почему лицо Павла произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, но Тамара полюбила отъ всей души своего «перваго друга», и, чувствуя къ нему какую-то бессознательную жалость, считала своей обязанностью его развлекать: читала ему вслухъ книги, строила передъ нимъ высокіе памятники изъ кубиковъ и часами могла возиться съ кукольнымъ театромъ, стараясь, что-

бы портрету было все видно и для этого устанавливала театръ непременно посреди компаты, сценой къ портрету, и страшно сердилась, если m-me Леванье или кто-нибудь изъ слугъ проходили между портретомъ и театромъ, «мѣшая ему смотрѣть».

Когда Тамара подросла и познакомилась по книгамъ съ жизнью Павла, она почувствовала еще большую нѣжность къ нему и еще больше привязалась къ портрету, стараясь большую часть дня проводить передъ нимъ. Вся окружающая жизнь—занятія, разговоры съ болтливой m-me Леванье, свиданія съ тетужкой Устюжиной и другими—все это было какъ бы второстепеннымъ, а главное сосредоточилось въ комнатѣ, у портрета Павла, гдѣ было теплое, уютное, гдѣ не приходилось отвѣчать на милые и любезные вопросы кузинъ и кузеновъ.

Все это, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ Устюжиными, а черезъ нихъ и другими и постепенно за Тамарой установилась репутація странной дѣвушки, напоминающей «сѣбѣдную безразсудную мать».

«О, она кончитъ плохо», таинственно понижая голосъ, говорили про нее родственники, «она слишкомъ угрюма для своихъ лѣтъ, несомнѣнно она унаслѣдовала всѣ странности матери. Про отца судить трудно, но хорошаго ожидать ничего нельзя. Это какая-то неизвѣстная личность, авантюристъ».

Прежде чѣмъ перейти къ описанію главнаго событія этого разсказа, пронесеннаго 31 декабря 19** года, о которомъ неумолкаемо говорили всю первую треть Новаго года въ кругу, знавшихъ хотя бы по наслышкѣ, семью Исарова и его домъ на Петроградской, мы должны сказать нѣсколько словъ о Владимірѣ Митрофановичѣ Шурскомъ, воспитанникѣ Исарова, который жилъ въ этомъ же домѣ и игралъ не послѣднюю роль во всемъ происшедшемъ.

Говорили, (хотя за достовѣрность этого предположенія трудно ручаться) что Исаровъ былъ никѣмъ инымъ, какъ его отцомъ.

Официально же было извѣстно, что Шурскій остался сиротой и Исаровъ, изъ жалости къ нему и изъ любви къ его покойнымъ родителямъ, приютилъ его у себя.

Владиміръ Митрофановичъ былъ чрезвычайно живымъ, остроумнымъ, общительнымъ, молодымъ человѣкомъ, словомъ, составлялъ полный контрастъ съ обитателями этого дома; ему было около тридцати лѣтъ, онъ служилъ на

частной службѣ, по образованію былъ инженеръ. Благодаря тому, что онъ жилъ у Исарова, онъ былъ принятъ въ лучшее общество.

Несмотря на то, что онъ всегда былъ остроуменъ, всегда веселъ, ровенъ, словомъ, былъ очень свѣтскій и безукоризненный молодой человѣкъ, Тамара чувствовала, что все въ немъ ложь и притворство.

Ротъ можно растянуть въ улыбку, голосъ можно сдѣлать сладенькимъ, но съ глазами не подѣлаешь ничего. И вотъ такими глазами, которые прогадываютъ оттого, что ихъ нельзя измѣнить, обладалъ Владиміръ Шурскій. Глаза у него были мертвые холодные и Тамара ихъ называла еще въ дѣтствѣ «скользкими».

Когда онъ смѣялся, говорилъ, смотрѣлъ—глаза его какъ бы не принимали никакого участія во всемъ этомъ. Они будто все время готовили въ тиши кому-то неприятность, горе, ударъ.

Единственнымъ преимуществомъ мрачнаго Исаровскаго дома было то, что въ немъ можно было быть и замкнутымъ и угрюмымъ, и это не дисгармонировало съ общимъ настроеніемъ.

И это настроеніе, господствовавшее въ домѣ, дало возможность Тамарѣ совершенно отойти отъ Шурскаго и быть съ нимъ въ официальныхъ, сухихъ отношеніяхъ, хотя Владиміръ Митрофановичъ неоднократно дѣлалъ попытки превратить эти отношенія въ болѣе теплыя и родственныя.

Къ тому времени, къ которому относятся главныя событія разсказа, Тамара была уже взрослой дѣвушкой, красавицей, лицомъ поразительно напоминавшую свою несчастную мать.

Но она оставалась все той же дикаркой, все тѣмъ же замкнутымъ задумчивымъ ребенкомъ. Николай Арсеньевичъ Исаровъ относился къ своей внучкѣ все такъ же равнодушно, ограничиваясь во время обѣда нѣсколькими незначущими фразами о здоровьи и самочувствіи. Вѣроятно, до самой своей смерти онъ не измѣнилъ бы къ ней своего отношенія и ничего бы не измѣнилось въ этомъ угрюмомъ, казалось доживавшемъ свои дни вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ, домѣ, если бы не внезапныя событія, которыя, подобно внезапно пахлынувшей бурѣ не веколыхнули бы мертвую жизнь обитателей этого дома и не направили бы эту жизнь въ новое, неожиданное русло.

Событія эти совпали съ тѣмъ временемъ, когда Владиміръ Митрофановичъ началъ часто отлучаться изъ дома и пріѣзжать домой, иногда подь

Елна въ лѣсу.

Рис. О. Амосовой.

утро и сдѣлался какимъ-то слишкомъ кроткимъ, нѣжнымъ, стараясь, очевидно, этимъ скрыть свое крайне повышенное первное состояніе. Одинъ разъ Тамара увидѣла случайно изъ окна Шурскаго, объясняющагося на улицѣ съ какой-то дамой.

Онъ имѣлъ торопливый, нервный и удрученный видъ, а его спутница, очевидно убѣждая его въ чемъ-то, сильно жестикулировала. Лица ея Тамара не видѣла, такъ какъ она стояла спиной къ дому.

Этотъ разговоръ длился нѣсколько секундъ и очевидно былъ только продолженіемъ какого-то объясненія, такъ какъ вскорѣ Шурскій вошелъ въ подъѣздъ, кивнувъ головой своей дамѣ, которая, не оглядываясь, быстро зашла за уголъ. Тамара не придавала особеннаго значенія видѣнію и сейчасъ же занялась своимъ дѣломъ, но какой-то неприятный осадокъ, однако томилъ ея душу.

Приближались праздники.

Въ домѣ Николая Арсеньевича эти прекрасные и трогательные дни, съ которыми связано столько милыхъ и плѣнительныхъ обычаевъ, не давали себя чувствовать.

На кухнѣ, правда, было оживле-

ніе. Тамъ жарили, варили, пекли, готовили все къ праздникамъ, хотя знали, что Исаровъ почти никого изъ визитеровъ не приметъ и большая часть приготовленнаго пойдетъ обратно въ кухню.

Такъ и случилось.

Николай Арсеньевичъ былъ особенно хмуръ. Онъ не принялъ никого и сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

31 декабря онъ вышелъ къ обѣду нѣсколько утомленнымъ и блѣднымъ и сказалъ:—Я очень утомился за эти дни, я слишкомъ много писалъ, поэтому лягу рано и новый годъ встрѣчу во снѣ.—Вы же,—обращаясь къ Тамарѣ и Шурскому, добавилъ онъ:—можете встрѣтить его дома, если не имѣете въ виду чего-нибудь лучшаго.

— Меня просила тетя Вѣра пріѣхать къ нимъ,—тихо сказала Тамара:—но я лучше остаюсь дома.

Шурскій ничего не сказалъ. Онъ смотрѣлъ въ тарелку и мысли его, казалось, были заняты постороннимъ и Тамара только долго спустя поняла, что въ эту минуту было что-то особенное въ немъ, какая-то странная, незамѣтная, но все же ясная тревожность и что эта тревожность не-

сомнѣнно передавалась ей и можетъ быть сыграла не малую роль въ дальнейшихъ событіяхъ.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи. Тамара сидѣла на своемъ любимомъ креслѣ передъ портретомъ Павла и была погружена въ думы.

Она переживала странное состояніе. Въ первый разъ за всю свою жизнь ей вдругъ захотѣлось веселья, ярко освѣщенныхъ залъ, наполненныхъ молодежью, шутокъ, смѣха, она чувствовала, что съ удовольствіемъ бы побалагурила сегодня со своими кузинами и кузенами, къ которымъ до сего времени относилась пренебрежительно и равнодушно. Какое-то неясное томленіе по чему-то новому неизвѣданному охватило ее. Она уже было рѣшила поѣхать къ Устюжскимъ и поразить тамъ всѣхъ своимъ неожиданнымъ весельемъ.

Улыбнулась даже при этой мысли. Но вдругъ ея взоръ упалъ на лицо Павла и ея сердце болѣзненно сжалось. Она почувствовала, что она превращается снова въ маленькую дѣвочку, забавляющую «своего перваго друга» кукольнымъ театромъ. Ей показалось, что глаза Павла глядѣли на нее грустно и укоризненно.

И совѣмъ, какъ тогда, какъ въ дѣтствѣ она подумала:

«А какъ же онъ?»

И вдругъ самая мысль о возможности уѣхать изъ дома веселиться показалась ей отталкивающей и возмутительной. Это было бы такой измѣной по отношенію къ «нему».

И, какъ вспоминала потомъ Тамара, эта мысль показалась ей настолько серьезной и безпрекословной, что она осталась встрѣчать новый годъ со своимъ стариннымъ и вѣрнымъ другомъ дѣтства.

Все, происшедшее затѣмъ Тамара помнила смутно и какъ бы сквозь двойной сонъ, (когда во снѣ видшь сонъ). Вѣроятно, она задремала на креслѣ, такъ какъ она не слышала какъ пробили часы двѣнадцать и проснулась въ тотъ моментъ, когда они били послѣдній разъ.

И въ эту же самую секунду она почувствовала какое-то необычайное, горькое безпокойство. Она растерянно оглянулась вокругъ и вдругъ, когда ея взглядъ упалъ на портретъ Павла, жуткая дрожь холодной волной пробѣжала по ея кожѣ. Она не могла вскрикнуть. Она только стояла, боясь упасть и не могла оторвать своего взгляда, не могла повѣрить своимъ глазамъ. На портретѣ мучался, терзался, бился, будто отбиваясь отъ чьихъ-то сдавливающихъ горло рукъ несчастный, умирающій человекъ. Это былъ ея Павелъ по портрету, по фигурѣ, съ лицомъ ея дѣда Николая Арсеньевича Исарова.

И вдругъ рука на портретѣ подни-

мается, Тамара видитъ ясно, какъ она сгибается и манитъ къ себѣ...

Съ неожиданной быстротой Тамара кинулась изъ комнаты, промчалась быстро по полутемнымъ коридорамъ и переходамъ, натыкалась на предметы, оцупью прокрадываясь все дальше. Вотъ она у дверей кабинета.

Глазамъ Тамары представилась жуткая картина:

Въ кабинетѣ былъ страшный беспорядокъ, ящики письменнаго стола были сильно выдвинуты.

Николай Арсеньевичъ полулежалъ въ своемъ большомъ кожаномъ креслѣ. Какой-то человекъ душилъ его подушкой (Тамара запомнила, что подушка была почему-то безъ наволочки, красная, маленькая). Двое другихъ искали что-то въ ящикахъ.

Какъ только открылась съ шумомъ дверь—тотъ, который душилъ вскрикнулъ и кинулся къ противоположной двери. За нимъ убѣжали его товарищи.

Тамара не могла пошевелиться. Она смотрѣла на тѣло тяжело дышавшаго дѣдушки и думала: вотъ сейчасъ они вернутся и задушатъ его и меня;—по тѣ, очевидно, думая, что поднялся на ноги весь домъ, послѣшили убѣжать.

— Съ ними былъ Владимиръ,— услышала Тамара грустный и больной голосъ Николая Арсеньевича.

О нападеніи на Исаровскій особнякъ, о едва не постигшемъ Исарова несчастіи и о необычайномъ его спасеніи говорилъ долго и оживленно весь городъ.

Тамара стала центромъ вниманія, героиней, но она ужасно не любила рассказывать объ новогодней ночи и только еще сильнѣе привязалась къ портрету Павла, благополучно красующемуся въ ея комнатѣ.

Ей даже казалось, что весь портретъ сдѣлался болѣе нѣжнымъ и свѣтлымъ послѣ этого случая.

Николай Арсеньевичъ скоро оправился послѣ потрясенія и, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, дѣдъ былъ неразлученъ теперь съ внучкой. Но что удивительнѣе всего, что онъ сталъ менѣе замкнутымъ и гораздо болѣе общительнымъ.

О Владимирѣ Митрофановичѣ извѣстно очень мало.

Онъ былъ очень боленъ и уѣхалъ на югъ. Въ Петроградъ онъ не возвращался. Говорили, что онъ поступилъ въ одинъ изъ южныхъ монастырей.

О томъ, былъ ли онъ замѣшанъ «въ этомъ» Тамара достовѣрно не знала, тѣмъ болѣе, что Николай Арсеньевичъ никогда объ этомъ не говорилъ и не подтвердилъ опредѣленно, казалось бы, ясную фразу:—Между ними былъ Владимиръ.

Конечно, въ городѣ говорили, что онъ былъ единственнымъ виновникомъ едва не происшедшаго несчастія, что онъ, рассчитывая найти большія деньги рѣшился не убійство своего благодѣтеля, но Тамару это не занимало. Съ нея было достаточно, что «ея первый другъ» за ея любовь и заботы, за ея игрушечные памятники и кукольный театръ оплатилъ съ такой царской щедростью.

Рюрикъ Ивневъ.

ТИКЪ-ТАКЪ.

Часы идутъ неумоимо,
Ихъ звукъ унылъ,—все тотъ же онъ.
И жизнь скользитъ, какъ кольца дыма,
Какъ странный и невѣрный сонъ.

Сплетаясь кружатся мгновенья,—
Вся сложность мыслей, встрѣчъ и словъ...
Часы куютъ, сплетаютъ звенья
И цѣль минутъ,—какъ сталь оковъ.

Вотъ свѣтлый мигъ, вотъ радость ласки,
Любовь, надежды и цвѣты...

Какъ тихій сонъ далекой сказки
Ко мнѣ опять склонилась ты.

Но все прошло... и снова, снова
Текутъ унылые года...
Часы стучать, твердятъ сурово:—
Одно-одно, всегда-всегда.

И я одинъ. Проходить мимо
Прекрасный и невѣрный сонъ...
Часы стучать неумоимо,
Ихъ звукъ унылъ,—все тотъ же онъ.

Г. Дикс.

С ъ в е р ъ .

По глинистой разбитой дорогѣ шли трое: агрономъ, его невѣста, Катерина Михайловна, да студентъ въ высокихъ сапогахъ. Агрономъ и дѣвушка шли босые, перекинувъ, какъ богомолы, связанную бичевками обувь черезъ плечо.

Дорога залегла между болотистыми лѣсами; солнце ласково глядѣло съ безоблачнаго неба; куковали кукушки.

Изъ лѣсу выскочилъ заяцъ, присѣлъ на заднія лапки, завидѣлъ людей и перемахнулъ черезъ придорожную канаву, скрываясь въ кустахъ.

— Не къ добру!—засмѣялась дѣвушка. Агрономъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и вытеръ со лба потъ.

— Да, звѣрья тутъ много.

— А медвѣди водятся?—спросилъ студентъ.

— Есть... Въ этихъ лѣсахъ такія трущобы, куда воронъ и костей не затаскивалъ.

Студентъ несъ складныя бамбуковыя удочки, между ними одна была со звономъ, отрывисто побрякивавшимъ. У агронома же на спинѣ висѣлъ холщевый мѣшокъ, набитый провиантомъ, и, кромѣ того, онъ несъ, перекинувъ черезъ руку, свое и невѣстино пальто.

— Не находите ли вы, сударь, что я перегруженъ? Это—не по принципу равенства.

— Ваши вещи,—возразилъ студентъ.—Впрочемъ, давайте...

Онъ взялъ пальто дѣвушки и, пошевеливая, зашагалъ впереди. Былъ онъ смугль, скуластъ и неразговорчивъ, въ противоположность русобородому агроному; тотъ шелъ сзади невѣсты, посматривая на ея попки, соблазнительно блѣвншія изъ подъ приподнятаго подола юбки. «Прекрасная мысль»,—думалъ агрономъ.

«совершить это маленькое путешествіе къ озеру, жаль только, что съ нами студентъ».

Студентъ тряхнулъ колокольчикомъ и зашагалъ быстрѣе. Дѣвушка обернула улыбающееся лицо къ жепиху.

— Я сейчасъ вспомнила...

Она остановилась и, когда агрономъ поравнялся съ нею, сказала:

— У католиковъ при переносѣ св. Даровъ, впереди священника идетъ служка, звеня колокольчикомъ. Вотъ и мы съ тобой—идемъ по лѣсу, а впереди побрякиваетъ колокольчикъ.

Агрономъ поцѣловалъ ея руку. Катерина Михайловна опередила его и запѣла дрожащимъ контральто малороссійскую пѣсенку. Она была въ украинскомъ платьѣ и казалась веселою дивчиной, возвращающейся изъ города.

Путники дошли до деревнюшки. Лѣсъ около нея былъ вырубленъ—она стояла среди голаго болота. Около застланной жердями дороги возился съ топоромъ мужикъ, а вокругъ него тучею вилась мошकारа. Катерина Михайловна замолчала, не допѣвъ свою пѣсню. Какъ убогъ сѣверъ и какъ много скорби въ немъ.

— Богъ помощь!

Мужикъ всадилъ топоръ въ бревно.

— Благодарствуй.

— Далеко ли до озера Вяльскаго?

— Верстовъ двѣнадцать. Все прямо, опосля свернуть на гать...

Катерина Михайловна отмахнулась отъ мошकारы.

— Ой, дядя, небось, покоя вамъ нѣтъ?

— Ъдятъ!—поскребъ въ затылкѣ, мужикъ:—Сидѣли бы дома-тки, трудно у насъ... Да, оно, конечно,—добавилъ онъ:—охота нуще неволи.

Деревня была безлюдна, какъ вымершая; даже псы не лаяли; одна изба обратила вниманіе Екатерины Михайловны,—узорчатое крыльцо, рѣзные навѣсы надъ окнами были пестро расписаны синей и красною красками. На дѣвушку повѣяло глухою стариною: такъ расписывались избы сотни лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ, онѣ сберегли свою самобытность.

— А все-таки,—сказалъ агрономъ, выходя за околицу,—сѣверная деревня намъ не извѣстна.

— Изучена вдоль и поперекъ,—буркнулъ студентъ.

— Ну, нѣтъ, Обыкновенно, крестьянина у насъ разматриваютъ только какъ землепашца, а вѣдь онъ еще и лѣсной житель. Ему мать—сыра-земля, отецъ—сыръ-дремучій-боръ. Корни въ землѣ, самъ же—лѣсной богатырь,—закончилъ агрономъ, помогая невѣстѣ перейти черезъ лужу. Путники свернули на гать, версты черезъ двѣ она обрывалась—черная торфяная тропинка то исчезала подъ широкими лужами, то выныривала среди мховъ и кустарниковъ.

Катерина Михайловна подобрала юбку до колѣнъ; студентъ обернулся, скользнувъ по ея голымъ ногамъ взглядомъ, и звякнулъ колокольчикомъ. Дѣвушка смутилась, опустила юбку ниже. Потомъ она весело запѣла:

«Кохайтесь, чернобриві,
Те не з москалями,
Бо москалі—чужі люди,
Робять лихо з вами.»

На сѣверѣ Катерина Михайловна жила недавно, по ей правились и бѣлыя почвы, и хвойные лѣса, и болота, обильныя птицей. Прогулка была затѣяна Екатериной Михайловной, поэтому, хотя дѣвушка устала, но бод-

рилась. Однако, когда, миновавъ одну болотистую поляну за другою, путники пошали опять въ темной лѣсѣ, Екатерина Михайловна забеспокоилась.

— Да туда ли мы идемъ, господа?
— Туда, конечно.

Солнце опускалось, воздухъ свѣжѣлъ, болота дышали прянымъ запахомъ перегнившихъ растений.

— Какая теплая вода! — сказала дѣвушка. — Въ водѣ теплѣе, чѣмъ на сушѣ.

— Не простудись! — предостерегъ невѣсту агрономъ.

— О... О, я выносливая!

Гдѣ-то протяжно кричали журавли, съ ихъ крикомъ смѣшивалось кваканье лягушекъ — болота подали свои голоса.

Когда земля застлалась сѣрымъ плащомъ сумерекъ, дѣвущкѣ стало холодно; она взяла отъ студента пальто и накинула на себя. Ея утомленные ноги ступали съ трудомъ, но идти было надо: не почевать же въ сырыхъ мхахъ, на влажныхъ травахъ...

— Скоро ли придемъ, господа?
— Еще версть пять.
— Я устала.
— Видишь, родная, — укорилъ агрономъ: — я вѣдь предупреждалъ тебя. Она запѣла, шагая по мху.

«Не слухала Катерина
Ні батька, ні няньки,
Полубила москалика,
Як знало серденько.»

— Про тебя! — шепнула она жепишу.

Они вышли на просторную поляну, здѣсь дорога была сухая, Екатерина Михайловна опустила подолъ платья.

— Ура! — закричала она: — тамъ жилье...

За поляной сѣрѣли какія-то постройки, окруженные деревьями. Путники подошли къ воротамъ, студентъ толкнулъ калитку, она открылась. Домъ былъ странный, онъ казался кшутымъ обитателями. На обширномъ дворѣ росли лопухи и крапива, стойла были пустыя.

Дѣвушка вбѣжала на крыльцо, заглянула за дверь, — пахнуло тепломъ

и хлѣбомъ, но передняя комната была совершенно пуста.

— Есть ли кто?

Отвѣта не послѣдовало. — «Разбойничій притонъ!» — со страхомъ подумала дѣвушка.

— Есть ли кто? — громче повторила она.

Совсѣмъ неожиданно изъ соседней комнаты раздался глухой голосъ:
— Есть.

Скрипнули половицы, вышелъ бошой высокій старикъ.

— Можно у васъ перепочевать?

— Можно.

Въ избу вошли и мужчины.

— Вы — хозяинъ этого дома?

— Я сторожъ господъ Парушкиныхъ, лѣсъ сторожу, да покосы.

Старикъ былъ съ подстриженными усамн, борода брита, сзади на клѣтчатой сѣрой рубахѣ — хлястикъ.

Въ жилой комнатѣ стояла постель старика, изъ подъ подушки торчаль обухъ топора, на стѣнѣ висѣло ружье. Подъ потолкомъ же на распялахъ сушились двѣ звѣриныя шкуры.

Лампы у старика не оказалось, въ

Рис. Е. Шильниковскаго.

— Шли трое: агрономъ, его невѣста и студентъ...

окна глядѣла свѣтлая почъ. На столѣ чернѣлъ огромный чайникъ съ кипяткомъ, въ маленькомъ же глиняномъ чайникѣ былъ заваренъ чай.

Путники выложили сѣстные припасы.

— Вы круглый годъ здѣсь живете?—спросила дѣвушка, очищая вареное яйцо.

— Круглый.

— Одинъ?

— Одинъ.

— А не скучно вамъ?

— Зачѣмъ скучно?—удивился старикъ.

Согрѣвшись чаемъ, Екатерина Михайловна легла на лавку, подложивъ подъ голову пальто, и крѣпко заснула. Проснулась она, когда въ небѣ играла, полыхалась заря. Студента не было: ушелъ ловить рыбу. Агрономъ лежалъ на полу.

— Милый?..

Онъ не отзывался. Она спустила ноги съ лавки, обулась и вышла изъ дому. Она пошла по тропинкѣ, смоченной росой, мимо прозрачнаго пруда, къ основному бору. Въ бору нахло смолой и еще чѣмъ-то крѣпкимъ, здорoviaщимъ. Сосны стояли около песчаной дороги двумя рядами.

— Ау!—крикнула дѣвушка, пройдя версты три. За лѣсомъ алѣло, блестяло, пылало... Не горять ли лѣса?... Екатеринѣ Михайловнѣ даже почудился запахъ гари, она свернула съ дороги и вышла черезъ кустарники къ низкимъ берегамъ озера. Вотъ что блестяло — отраженная въ озерѣ заря.

Около берега озеро поросло камышомъ. Студентъ съ удочкой въ рукѣ стоялъ у залива, рядомъ дымился костеръ.

— Клюеть?

Студентъ молча показалъ на сѣтяной кругъ, спущенный въ воду; тамъ было нѣсколько окуней.

Наскучивъ стоять около студента, дѣвушка пошла дальше по берегу. Во многихъ мѣстахъ валялись обглоданные скелеты какихъ-то большихъ рыбъ. Какъ они сюда попали?—Ихъ занесли хищныя птицы, или же рыбы были выловлены звѣрями...

Подъ узловатою сосною стояла ройка—два длинныхъ желоба, соединенныхъ прибитыми къ кормамъ жердями. Дѣвушка сѣла въ ройку и, подгребая лопатой, выплыла на середину озера. Тамъ она перестало грести: озеро насупливалось, по его поверхности пробѣгала рябь; слабый вѣтерокъ трепалъ платье дѣвушки. Она запѣла:

«На-що міні чорні брови?
На-що карі очі!
На-що літа молоді,
Веселі, дівочі?»

Изъ за лѣса выплывало пробудившееся солнце—красное, будто разсерженное. Вѣтеръ крѣпчалъ, ройку качало сильнѣе.

«Тяжко міні сиротою
На сім світі жити:
Свої люди—як чужі,
Ні з ким говорити.»

Мертвый край, убогій!.. На эти черные берега заползаютъ только змѣи; въ этомъ озерѣ скрываются угрюмыя рыбы; вѣтеръ холоденъ и сиротливъ.

Екатерина Михайловна загребла къ берегу, откуда взяла ройку. Тамъ стоялъ босой мужикъ, въ лохмотьяхъ, съ рыжею бородой.

— Ты, паскуда, чего мою ройку увела?—встрѣтилъ онъ дѣвушку бранью.

Грубья ругательства потокомъ полились съ его языка. Екатерина Михайловна не рѣшалась пристать къ берегу, но слушать дикую брань было тоже невыносимо.

Неожиданно изъ-за кустовъ вылѣзъ студентъ, подошелъ къ мужику и угрожающе произнесъ:

— Молчать! Не ругаться!

— А ты что за гусь выискался?—шагнулъ къ нему мужикъ.

— А такой, что не велю тебѣ ругаться.

— Миѣ?—подступилъ еще ближе мужикъ.

Студентъ вынулъ изъ кармана револьверъ.

— Эхъ землякъ, не горячись лучше!

Мужикъ отшатнулся.

— Съ этимъ драться не хитро!.. Ты подожди!.. Ты подожди!.. Мы вамъ лѣшимъ накладемъ. Ты погоди!

Онъ повернулся, чтобы уйти, но студентъ его задержалъ:

— Давай-ка, братъ, лучше по-доброму, вмѣстѣ ловить.

Онъ вынулъ портсигаръ и протянулъ мужику.

— Бери!

Тотъ, подумавъ, залѣзъ пятерней въ портсигаръ и съ трудомъ вытянулъ папиросу.

— За это благодаримъ!

Оба мирно закурили, словно между ними ничего не произошло. Екатерина Михайловна пристала къ берегу, выскочила изъ ройки и ушла отъ нихъ. Ей было обидно,—за что ее такъ изругалъ мужикъ, и она не понимала—почему онъ такъ скоро поладилъ со студентомъ.

Она отошла отъ берега вдоль канавы; среди мховъ, на кочкахъ, краснѣла прошлогодняя клюква. Дѣвушка стала ее рвать. Она ѣла клюкву до тѣхъ поръ, пока не набила оскомину. Когда она вернулась къ тлѣющему костру: студентъ и мужикъ плыли въ ройкѣ по озеру.

Екатерина Михайловна подбросила въ костеръ хворосту и разлеглась около огня на пальто. Кругомъ блѣлѣлъ дурманъ, его запахъ кружилъ голову, опьянялъ. Солнце уже было высоко, но вѣтеръ крѣпчалъ; лѣсъ шумѣлъ, словно со скрипомъ открывались и затворялись высокія ворота. Убаюкающая зеленымъ шумомъ, дѣвушка заснула.

Проснулась она въ полдень; надъ нею вились тучи мошкары; руки, лицо, платье, кишѣли мошкаркой, жалящей, щекочущей, зудящей... Дѣвушка вскочила на ноги—мошकारа отхлынула съ гудѣніемъ, какъ волна, но тотчасъ же опять обступила ее. Тщетно обмахивалась она вѣткой. Екатерина Михайловна послѣдшне ушла отъ свѣтлаго, успокоившагося озера, и направилась къ дому сторожа. Въ болотахъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ,—думала она,—есть тайная красота, но эта красота охраняется зорко.

Въ домѣ сторожа дѣвушка облегченно вздохнула. Однако, руки, ноги, лицо, шея—все тѣло, пестерпимо ныло и чесалось. Она расцарапывала укусы до крови, агрономъ проснулся.

— Я не могу! Я не могу!—застонала Екатерина Михайловна.

— Да что съ тобой, дѣтка?

— Меня съѣли комары и мошки. Что за мученія!.. И какъ здѣсь живутъ люди—не понимаю.

Обратно пошли другою дорогой. Старикъ проводилъ за ворота.

— Далекое ли до города?

Онъ пожевалъ губами:

— Верстъ двадцать пять съ гакомъ.

— Съ гакомъ?—улыбнулся агрономъ.

Старикъ погладилъ стриженные усы:

— Версты у насъ не мѣрены, не вѣрены...

Впереди опять шелъ студентъ, колокольчикъ позвякивалъ. Дѣвушка чувствовала себя странно-возбужденной—ея щеки пылали, въ глазахъ блистала лихорадочный огонекъ, въ головѣ была тяжесть.

Солнце опускалось за лѣса, земля одѣвалась въ сумерки. Пройдя верстъ десять, Екатерина Михайловна въ изнеможеніи сѣла на камень у дороги.

- Эхъ, землякъ, не горячись лучше!..

Очнулась она отъ холода — костеръ угасалъ, вдали слышались шаги студента, собиравшаго хворостъ.

— Что съ тобою, дѣтка?

— Ой-ой!

Она легла на траву, положила голову на камень. Студентъ, закуривъ папиросу, посовѣтовалъ:

— Выпейте воды.

— Да не курите же вы!—разсердилась Екатерина Михайловна,—мнѣ и такъ плохо.

Онъ бросилъ папиросу. Екатерина Михайловна поднялась съ земли и пошла. Проселочная дорога оканчивалась мостомъ и неожиданно развѣтвлялась на двѣ малоѣзженныя лѣсныя дороги.

— Куда итти?—въ недоумѣніи остановился агрономъ. Онъ пошелъ направо—дорога вела къ сѣчи. Вдали дымился костеръ. Увязая въ болотѣ, агрономъ направился къ костру.

— Э-эй!—крикнулъ онъ. Никто не поднялся съ земли и не вышелъ на его зовъ. Людей не было или же они притаились. Но дымъ клубился по низинѣ. Подойдя ближе, агрономъ убѣдился, что это горятъ пни и кони—здѣсь корчевка.

Онъ вернулся къ мостику: спутниковъ не было, пошли, очевидно, по другой дорогѣ. Онъ поспѣшилъ за ними. Ему послышались ихъ голоса.

— Эгей!—откликнулся онъ. Съ каждымъ шагомъ дорога ухудшалась—и вотъ уткнулась въ болото; перейдя его, агрономъ попалъ на тропинку.

— Вправо или влево?—задумался агрономъ.

— Э-э-эй!—послышалось ему слѣва, ему даже показалось, что онъ видитъ свѣжіе слѣды. Онъ торопливо зашагалъ по тропѣ, но, пройдя съ добрый часъ, увидѣлъ, что онъ на ложномъ пути.

Въ это время студентъ и Екатерина Михайловна ожидали его въ темномъ ельнике.

— А-а-у!—кричала дѣвушка.

— А-а-у!—вторилъ ей студентъ:— Придетъ...

Мимо нихъ пролетѣла почная птица. Студентъ и Екатерина Михайловна пошли по дорогѣ и вступили въ густой туманъ, сырость пронизала дѣвушку, а пальто осталось у агронома. Въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Когда они вышли изъ сѣрой пелены, студентъ предложилъ:

— Развести костеръ?

— Хорошо. Ау! А-а-у!..

— Придетъ!—успокаивалъ дѣвушку студентъ, собирая хворостъ. Скоро костеръ запылалъ, затрещали сучья. Екатерина Михайловна легла возлѣ огня, пламя согрѣло ее, разгорячило.

И опять запахло бѣлыми цвѣтами дурмана, а все тѣло запыло, Она посмотрѣла на небо—тамъ плыла между тучъ луна въ зеленомъ ореолѣ. Екатерина Михайловна закрыла глаза. Она впала въ чуткое забытье, къ ея рукѣ прикоснулись пальцы студента. Онъ что-то говорилъ и гладилъ ея руку, ей это было пріятно...

И вотъ—въ ея губы впились его горячія губы, она хотѣла крикнуть, но не могла.

... Очнулась она отъ холода— костеръ угасалъ, вдали слышались шаги студента, собиравшаго хворостъ.

— Что я сдѣлала? Какъ я могла?— ужаснулась Екатерина Михайловна: я отдалась этому мальчишкѣ!—Она торопливо привела въ порядокъ разстегнутое платье и закрыла глаза, притворяясь спящей.

— Э-гэ-э-эй!—послышалось вдали.

— А-у-у!—отозвался студентъ.

Изъ-за деревьевъ вышелъ перепачканный тиною агрономъ.

— Ф-фу, чертъ!—выругался онъ,— еле нашелъ васъ. Куда вы убѣжали? Я уже было совсѣмъ отчаялся встрѣтить васъ. Ну, и усталъ же...

Онъ сѣлъ къ костру.

— А она спитъ?—спросилъ онъ про невѣсту.

— Должно быть,—отвѣтилъ студентъ, скрываясь въ лѣсу. Агрономъ поцѣловалъ спящую въ лобъ и прошепталъ:

— Дѣтка!

— А... а, ты здѣсь?—потянулась она, зѣвая.—А я немного вздремнула.

Студентъ вернулся съ хворостомъ и подбросилъ въ костеръ.

— Я надыхалась дурмана, но теперь, кажется, лучше. Я была въ обморочномъ состояніи, мнѣ казалось, будто вокругъ меня звѣри, звѣри, тысячи разныхъ звѣрей, а я стою между ними.

Студентъ взглянулъ на нее, но она на него не посмотрѣла.

— Пойдемте же!—поднялась она съ земли, когда пламя костра ослабѣло.

— Надо разнести костеръ, чтобы не было пожара,—сказалъ агрономъ.

— Зачѣмъ?.. Пусть горятъ эти проклятые лѣса...

Агрономъ засмѣялся, раскидывая въ лужу горящія сучья. Послѣ того путники опять двинулись по дорогѣ. Впереди шелъ студентъ, побрякивая звонкомъ.

Они вышли на шоссеиную дорогу; табунъ лошадей, пасшійся около дороги, опрорхнувшись ринулся отъ нихъ, гремя подковами и испуганно фыркая.

Воздухъ былъ прозраченъ: болота, туманы остались позади.

— Горлинка моя!—шепталъ агрономъ, пожимая руку невѣсты,—притомилась, моя чернобрива!..

Она молча сдерживала рыданія. Онъ поцѣловалъ ея ладонь, она ему сказала:

— Ступай впередъ... У меня спустились чулки, надо поправить.

Онъ пошелъ, а она сѣла на край канавы и вцѣпилась ногтями въ свои щепки.

— Господи! Господи! Дай силу умереть безъ страха!—Она вытерла хлынувшія изъ глазъ слезы и натянула на ноги выше колѣнъ сползшіе чулки. Затѣмъ она медленно пошла за спутниками.

Вдали виднѣлась крыша кирпичнаго завода; они подходили къ городу. Колокольчикъ на удочкѣ студента то затихалъ, то звенѣлъ тонкимъ головочкомъ.

Екатерина Михайловна догнала агронома и взяла его подъ руку, ежась отъ утренняго холода.

— Хоть бы скорѣе домой!—устало произнесла она.

— Скоро, скоро отдохнешь, родная!—ласково сказалъ агрономъ.

Она замолчала.

В. Верхоустинскій.

Угодникъ ходитъ.

Во всѣхъ домахъ столы накрыты,
Горитъ огонь, стоитъ вода.
Раскрыты двери, и забыты
Обиды, ссоры и вражда.

Лучится ночь. Какъ въ праздникъ, звѣзды
Горятъ—обители небесъ.
Овѣялъ миръ людскія гнѣзда
И колоколенъ бѣлый лѣсъ.

Угодникъ ходитъ! Самъ угодникъ
Никола ходитъ по домамъ.
И будь послѣдній ты колодникъ,
Въ твой грѣшный домъ войдетъ онъ самъ.

Онъ изъ обители, изъ рая,
Изъ-за лѣсовъ, изъ-за рѣки
Пошелъ въ народъ, не опуская
Благословляющей руки.

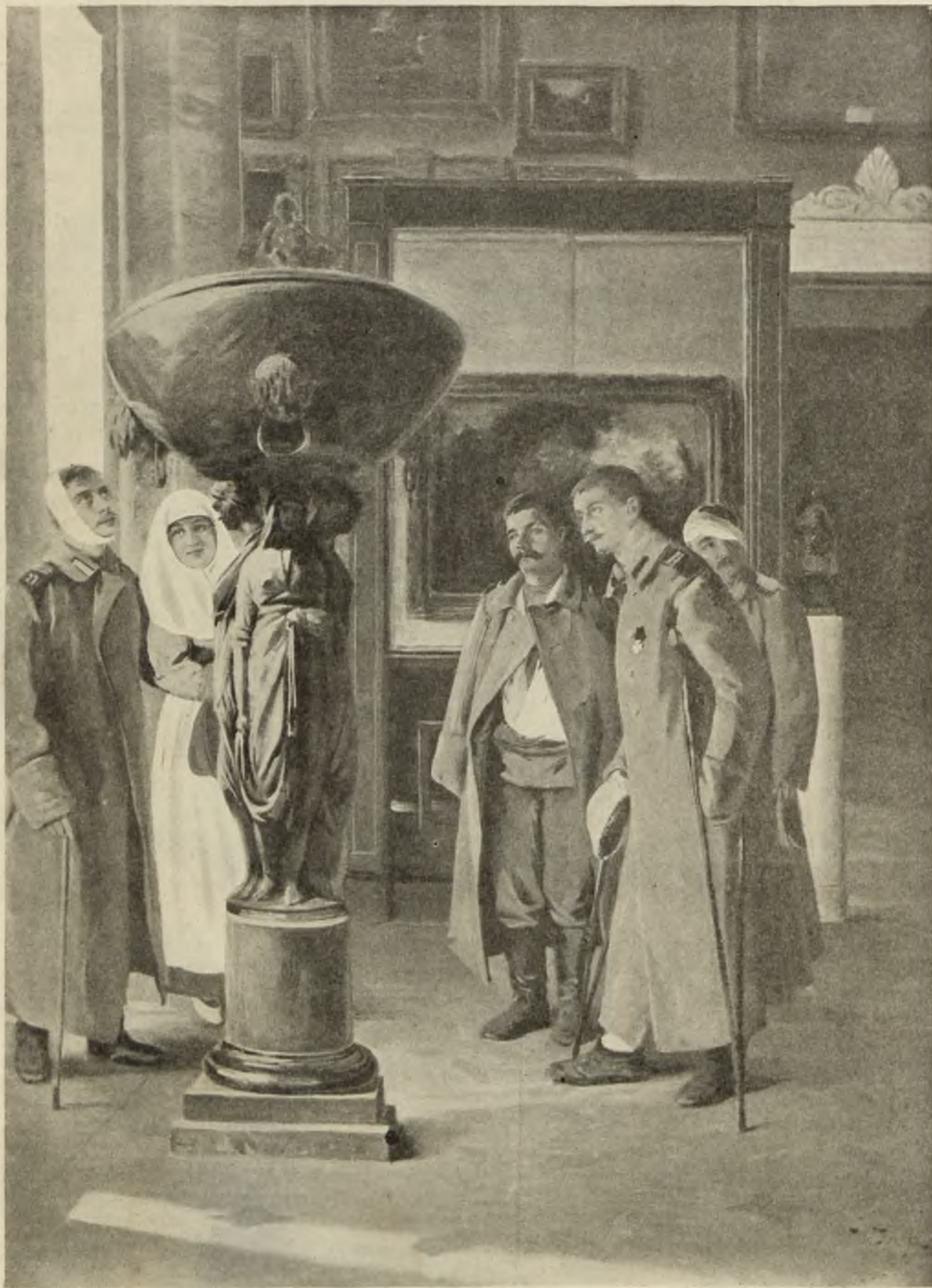
Когда онъ плылъ на лодкѣ, пѣнье
По берегамъ несло, какъ гуль.
Народъ въ любви и нетерпѣнью
Бросался въ воду и тонулъ.

И днемъ и ночью, обѣ зори,
По всѣмъ путямъ, и въ дождь, и въ зной,
Угодникъ ходитъ, грусть и горе
Снимая съ братіи земной.

Священники въ четыре смѣны
Молебны служатъ и кропятъ
Избушки каждой дверь и стѣны,
И дверь и стѣны всѣхъ палатъ.

И окомъ строгимъ, окомъ древнимъ
И пышной ризою своей
Угодникъ свѣтитъ всѣмъ деревнямъ
И всѣмъ колосьямъ всѣхъ полей.

Сергѣй Городецкій.

Въ музеѣ Эрмитажа.

И. А. Писса.

Конец художественного года.

Закончился 1915 годъ выставкой петроградскаго общества художниковъ, если не считать въ общемъ пріятной выставки *blan et noir*.

Начало художественнаго года было перадоотно, неудаченъ и конецъ его.

Выставки «Союза» въ этомъ году не было, «Міръ искусства» вмѣсто обычной выставки далъ выставку этюдовъ—это сразу создало впечатлѣніе пустоты въ художественномъ сезонѣ. Ожидалась съ нетерпѣніемъ юбилейная выставка Н. К. Рериха, но она отложена по случаю войны. Война сказалась на художникахъ сильно. Нормальный ходъ художественной жизни нарушенъ. Это особенно сильно чувствуется при подведеніи художественныхъ итоговъ. Но когда думаешь объ этомъ, невольно является вопросъ, ни къ добру ли это? Вѣдь, надобно признаться, что къ началу войны не очень блестяще обстояли дѣла нашего искусства. Замѣтно движеніе впередъ было только въ области, такъ называемаго прикладнаго искусства, въ особенности большіе успѣхи сдѣлала графика. Передвижники давно успели, «по не тихимъ спомъ могилы», «Союзъ» и «Міръ искусства», оба близнеца явно приближались къ латаргическому спу, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство участниковъ этихъ выставокъ. Попытку «Міра искусства» оживить себя даже такимъ сильподѣйствующимъ средствомъ, какъ пріемъ крайнихъ лѣвыхъ въ свою среду, приходится признать неудачной. На амнигу молодыхъ и людей будущаго выступали просто безобразники-футуристы, своими непозволительными и всѣмъ надѣвшими чудачествами только подчеркивавшие влѣшнюю и внутреннюю безсодержательность нашего современнаго искусства. Нѣтъ ни споровъ, ни новыхъ словъ. Какое-то пустое мѣсто, которое пытаются заполнить стилизаціей. Вкусъ замѣняетъ намъ сейчасъ талантъ. Характерно для нашего времени и увлеченіе старинной, послѣ художниковъ начинающее охватывать широкіе круги. Оглядываются назадъ и копаются въ прошломъ всегда тогда, когда въ настоящемъ нѣтъ ничего. Войнѣ можетъ быть суждено сдвинуть застрявшій возъ искусства съ мертвой точки? Во всякомъ случаѣ есть всѣ основанія надѣяться на это: не можетъ же такое стихійное явленіе, какъ война, не сказаться въ области искусства. Но это дѣло будущаго. Настоящее же приходится признать крайне печальнымъ: тускло все, сѣро. Последняя же выставка года, выставка петроградскаго общества художниковъ, какъ бы ставить точку надъ художественнымъ «і». За исключеніемъ К. Г. Маковского, мастерство работъ котораго никто не отрицаетъ, на выставкѣ ничего не дано такого, что надолго осталось бы въ памяти. Большинство же работъ просто шокируетъ даже далеко не изысканный вкусъ. И выставка, какъ заключительный аккордъ года, лучше всего подчеркиваетъ мертвенность нашей художественной жизни. Нужна живая вода, чтобы вспрыснуть нашихъ художниковъ. Но гдѣ эта живая вода? Кто ее ищетъ?

М. Влагинъ.

Набросокъ съ натуры художен. А. Мартынова.

Артиллерійскій бой подъ В. (ураганный огонь).

Вводъ молдыхъ въ опочивальню. (Хмѣлемъ осыпають).

К. Г. Маковскій.

Танго.

В. В. Мизуровскій.

Въ ожиданіи бѣженцевъ.

И. Н. Геллетъ.

НЕУДАЧНИКЪ

Вѣчность вздохнула облегченно, зѣвнула и сказала безучастно:

— Еще одинъ... Получайте... 1916-ый. Время, приняло младенца, хлопнуло его по спиѣ и радостно улыбуилось:

— Ничего себѣ парежекъ...

Вѣчность досадливо махнула рукой, перевернулась на другой бокъ, поплотнѣе прикрылась облаками и сказала:

— Дѣлайте, какъ знаете... Признаться, надоѣла мнѣ эта исторія!

Время ласково сказала:

— Ну, будетъ... будетъ... Ничего не подѣлаешь... Каждый трудится, безъ этого пельзя!

— Очень нужно!

— Да ну, не сердитесь... Пойду приодѣнусь...

— Опять эту шутовскую бороду надѣнете?

Время укоризненно покачало головой и сказала мягко:

— Милая, да вѣдь пельзя же безъ этого... Посудите сами, все художники меня такимъ изображаютъ... Борода, коса и часы... Хоть тресни!.. Не могу же я въ самомъ дѣлѣ традиціи нарушать!

— Поступайте, Время, — раздался усталый голосъ Вѣчности: — часы-то не забудьте поставить, а то пустите маль-

чонку въ одиннадцатъ, вотъ и готовъ скандалъ на весь земной шаръ!

— Будьте покойны!

Передъ отправленіемъ Время посадило къ себѣ на колѣни мальчика и сказало:

— Сынокъ мой, ты уходишь на землю въ трудное время. Великій судъ вернется на землѣ и тебѣ, мой мальчикъ, предстоитъ по новому раздѣлить землю омоченную кровью! Иди, мой сынокъ, твое имя уйдетъ въ будущіе вѣка...

Встрѣтились они гдѣ-то около Марса. Измученный, страдающій плевритомъ 1915-й годъ возвращался къ Вѣчности.

— Приятель! — жизнерадостно окликнулъ мальчикъ старика. — Чего это ты собрался такъ рано... Что поваго?

Тотъ оглядѣвъ его странными, непонимающими глазами и сказалъ:

— Керосинъ, говоришь?... Да, и керосинъ... Но главное — сахаръ... Черезъ него я проклять имъ... Все говорить, проклятый годъ...

— Да что ты бредишь, старикъ? — участливо спросилъ мальчуганъ.

— Стоять, понимаешь, въ очереди, — слабымъ голосомъ продолжалъ 1915-й, —

слушалъ, слушалъ — ничего не понимаю... Исторія!

— Да, старикъ, это — исторія... Твое имя уйдетъ въ вѣка!

15-й думалъ о чемъ-то своемъ и слушалъ вяло.

— Вѣка, говоришь... Да... Но скажи пожалуйста... песокъ... Ну, пусть вѣтъ сахару, но вѣдь песку вѣтъ... Мясца вѣтъ... И все я виноватъ... Измучился!..

— Я не понимаю тебя, старикъ...

Мальчугану надоѣло все это. Онъ просто не понималъ предшественника. Сильно рванулся, взлетѣлъ: и съ каждымъ мгновѣмъ все ближе и ближе земля...

— Ахъ ты крутой дуракъ, — думалъ 1915-й. — Тебя бы слѣдовало проучить, но ты все-таки милый и глупый...

Сидѣли Иванъ Ивановичъ съ Мари Петровной, Петръ Петровичъ съ Мари Ванной и нѣсколько Василичей.

Стрѣлка на часахъ показывала безъ десяти двѣнадцать.

Мари Ванна осторожно дотронулась до руки Мари Петровны и сказала:

— Ветчина рубль двадцать!

Мари Петровна сложила губки банничкомъ и вздохнула:

— Масло кухонное девиносто!

Германія: О, миръ! О, бѣдное дитя! Прийди ко мнѣ,— только я одна согрѣю тебя,— ты такъ нуженъ мнѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ я призову тебя подъ ружье.

А Василичи оживленно говорили о томъ, что съ закрытіемъ шантановъ и рестораноу наблюдается упадокъ духа.

— Цельзя этого дѣлать...

1916-й годъ, который пролѣзаль въ это время черезъ отдушникъ слышалъ послѣднюю фразу, улыбнулся.

— Протестуютъ уже... Узнаю горячихъ энтузіастовъ!

Мари Вапна, какъ хозяйка, должна была сказать что-нибудь пріятное, улыбнулась и произнесла перфшительно:

— Мясо въ этомъ году непременно подешевѣть должно!..

Заговорили о сахарѣ, о мясѣ.

Взволновались. Горячо блестяли глазами, яркіе образы создавала мысль.

1916-й сидѣлъ на часахъ и думалъ: Этотъ старій дуракъ Время вѣчно что-нибудь напутаетъ... Здѣсь все обстоитъ благополучно!

— Извиняюсь... Очень извиняюсь, господи... Заговорились мы... Взгляните-ка на часы!—попросилъ хозяинъ.

Стрѣлки показывали безъ двадцати часъ. Всѣ смолкли на мгновенье.

Хозяинъ растерянно улыбался и, наконецъ, произнесъ робко:

— Ну, а все-таки... Какъ же... Съ новымъ годомъ?... А?...

Василь Василичъ хмуро взялъ какую-то бутылку и долго разглядывалъ этикетку.

— Нарзанъ, говорите,—сумрачнымъ басомъ произнесъ онъ.—Ну, что же... Все равно... Можно и нарзанъ!..

1916-й смотрѣлъ на сотни людей, копошащихся въ промерзлыхъ ямахъ, прислушивался и думалъ:

— Чортъ возьми, это старое Время было право въ концѣ концовъ... Люди... Настоящіе люди... Все, какъ полагается!

Для успокоенія создалъ даже теорію о разповидности людей, которые посятъ штатское названіе—Иванъ Ивановичи...

Онъ еще раньше попросилъ минуты замедлить ихъ бѣгъ, такъ что теперь здѣсь все часы показывали только безъ четверти двѣнадцать.

Мальчуганъ рѣшилъ появиться здѣсь въ двѣнадцать въ надлежащей обстановкѣ.

Безъ десяти двѣнадцать воздухъ вздрогнулъ отъ пушечной канонады.

— Эге,—подумалъ 1916-й,—эти парни встрѣчаютъ меня салютомъ!

Безъ пяти двѣнадцать его начали мучить сомнѣнія, онъ прошелъ къ какому-то человѣку съ пашкой въ рукахъ и спросилъ:

— Неправда ли, эти пушечные выстрѣлы салютъ новому году...

Человѣкъ съ пашкой посмотрѣлъ на него небрежно и крикнулъ:

— Мальченка, не путайся здѣсь безъ дѣла... Въ двѣнадцать у насъ атака!

1916-й сидитъ, скрючившись отъ холода, и пишетъ:

«Дорогой напаша Время и дорогая мамаша Вѣчность!.. Симъ извѣщаю васъ, что на меня здѣсь очень мало обращаютъ вниманія и очень скучно... Морозы стоятъ большіе... ничего я здѣсь не понимаю... Вашъ 1916-й.»

Р. С. О мясѣ нужно было все-таки сказать...»

Запечаталъ конвертъ и горько заплакалъ.

Борисъ Вѣдовъ.

— Вы въ такомъ плохомъ настроеніи въ первый день Нового Года?..

— Да... Мои нервы не выдерживаютъ рѣзкихъ перемѣнъ: вчера былъ 15-ый, а сегодня сразу 16-ый. Бррр...

Январь. Болгарія заключила въ Германіи заемъ.

Февраль. Сильное движеніе въ пользу сепаратнаго мира въ Турціи.

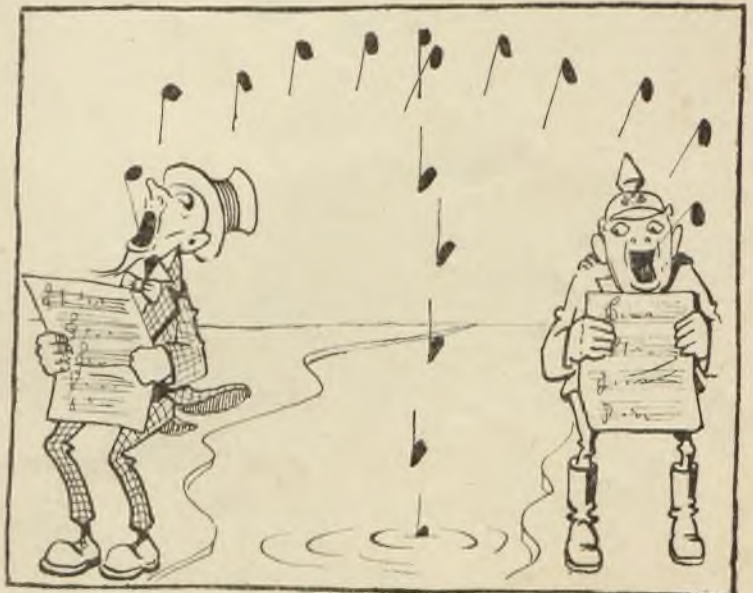
Мартъ. Дипломаты категорически заявили, что въ непродолжительномъ времени Болгарія выступитъ совмѣстно съ союзниками.

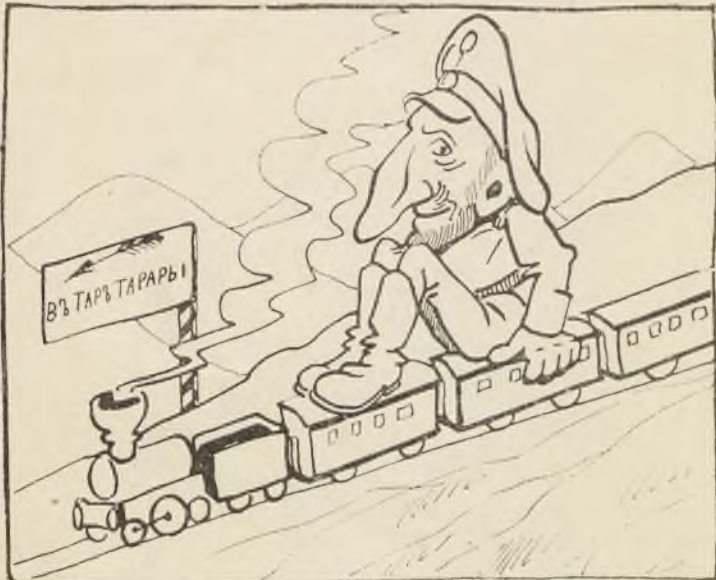
Апрѣль. Шейхъ-уль-Исламъ поднесъ султану титулъ «Газъ» («побѣдителя»).

Май. Миссія князя Булова окончилась неудачей и Италія выступила.

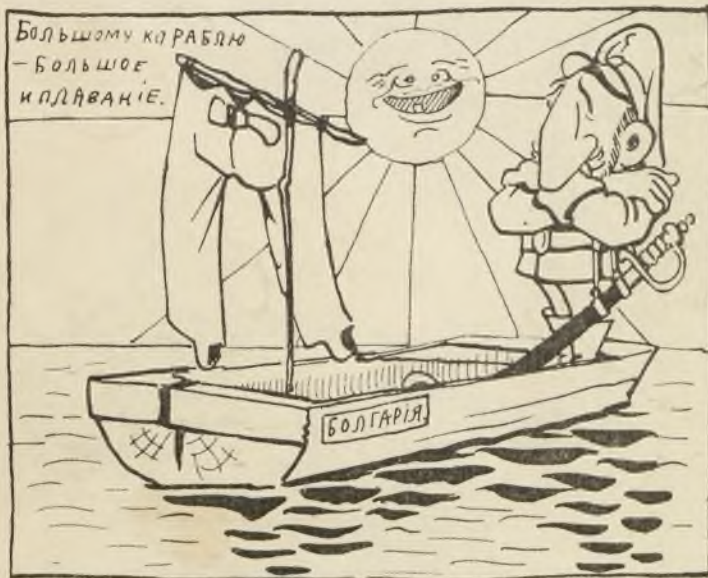
Іюнь. Конфликтъ Америки съ Германіей.

Юль. Уступлена Болгарии турецкая часть Дедеагачской железной дороги.

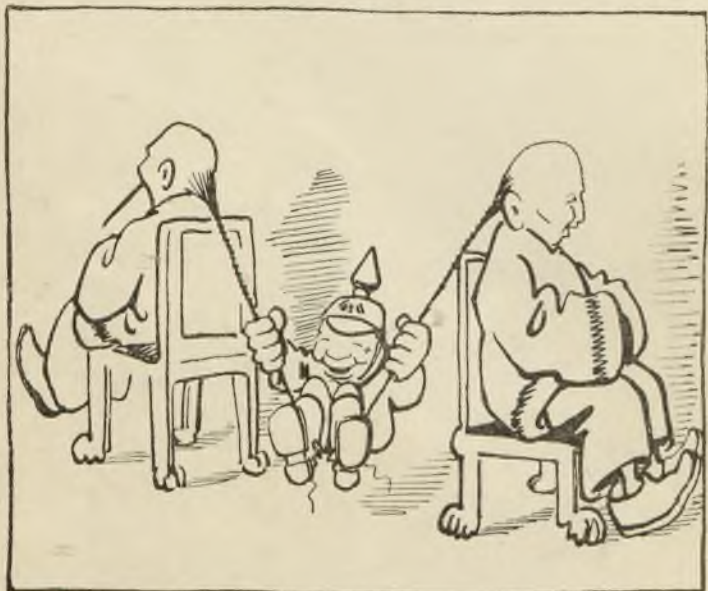
Августъ. Италия объявила Турции войну или Новая шишка на бедного Манара.

Сентябрь. Болгария выступила.

Октябрь. Таксу повѣсили.

Ноябрь. Немцы понемногу начинают устраиваться въ Китаѣ.

Декабрь. Персъ взбѣсилъ.

ЦУНЪ
им. Н. А. Некрасова

2 000001 331323

Редакторъ-издатель М. А. Суворинъ.

Цѣна номера 30 коп.

